

"ЧУДЕСА ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ: ПОЧЕМУ МЫ ТАКИЕ НЕМОЩНЫЕ?"

На этот вопрос постарался ответить руководитель миссионерского отдела Сергиево-Посадского благочиния иерей Димитрий Беженарь. В своей беседе со слушателями лектория отец Димитрий на жизненных примерах показал разницу между действительной немощью человеческой и простым нерадением и ленью, акцентировав внимание на жертвенности, о которой позабыли современные христиане.

Дорогие братья и сестры! Я приглашаю вас вместе со мной задуматься, если вы не задумывались над этой проблемой раньше, и вместе поискать ответ на этот важный вопрос: почему мы такие немощные? Сразу хочу предупредить, что мы не будем сейчас пытаться дать всеобъемлющий ответ. А вместе выберем хотя бы вектор – где искать ответ на этот очень важный вопрос: почему мы, современные христиане, и, я думаю, вы со мной согласитесь, очень и очень немощны? Мы немощные. Мы читаем жития святых, жизнеописания новомучеников и исповедников – тех людей, которые, возможно, для живущего сейчас поколения являются дедами и прадедами (поэтому они ближе к нам по сравнению с мучениками древних времен) и которые в начале XX века пролили свою кровь за веру Христову. И, взирая на их жизнь, мы удивляемся их героизму и самоотверженности. Поэтому глядя на себя, можем, вздыхая, сказать, что мы немощные.

И почему все-таки мы такие немощные? Если посмотреть в корень проблемы, то важно ответить на другой вопрос: что же вообще такое «немощь»? Правильно ли мы именуем немощью то состояние, в котором находятся многие современные христиане? Почему часто мы немощью только прикрываемся? И самый, может быть, тяжелый, болезненный и мучительный вопрос для каждого современного христианина: ***почему немощь стала своего рода объектом почти религиозного поклонения?*** Почему мы преклоняемся перед своей немощью? Почему отсутствует подлинный героизм, свойственный христианам первых веков? Почему отсутствует жертвенность и самоотвержение? Почему отсутствует даже элементарное желание хоть в чем-то ущемить себя ради Христа или ради ближних?

И, в первую очередь, надо вспомнить, в какую эпоху мы живем. Все мудрые старцы, подвижники, опытные пастыри и архипастыри подчеркивают, что наша эпоха очень и очень непростая. В частности, отец Рафаил (Карелин), один из современных духовников, ныне здравствующих, говорит, что в эпоху тотального безбожия вся государственная машина на территории бывшей Российской Империи была направлена на уничтожение веры. И уничтожали лучших людей, в первую очередь, за то, что они являлись носителями православной веры и подлинной культуры. Естественно, следующие подрастающие поколения были более слабыми, запуганными, немощными, может быть, уже не имеющими именно такого «огонька». После массированных кровавых гонений (с 20-х до начала 40-х годов) был период относительного внешнего затишья, когда кровь христиан так не проливалась, но, тем не менее, на идеологическом уровне гонения на Церковь не прекращались. Я думаю, никто не будет отрицать, что гонение имеет форму не только

внешнюю (кровавую), но и внутреннюю (моральные гонения на христиан бывают намного тяжелее).

В начале 90-х годов XX столетия изменилось отношение государства к Церкви. Но значит ли это, что гонение на Церковь прекратилось? Можем ли вообще вспомнить такой период в истории человечества, когда не было гонения со стороны врага рода человеческого дьявола на Церковь, на верных христиан? Конечно, нет. Как мудро сказано и отцом Рафаилом (Карелиным), и отцом Иоанном (Крестьянкиным), меняются лишь формы гонений и притеснений на истинно верующих во Христа. В письме одному из своих духовных чад о. Иоанн (Крестьянкин) так характеризует, с присущей ему прямоотой и отсутствием лживой дипломатии, эпоху, в которую нам приходилось, да и сейчас приходится жить: *«Да, при большевизме нам было легче. Было все яснее и определеннее [заметьте, это пишет человек, который сам был осужден на 7 лет лагерей, пострадал за веру и знает непонаслышке, что такое гонения]. Христиан было мало, но стойкостью и мужеством они являлись истинными последователями Христа. Сейчас христиане новообращенные хлынули в Церкви и затоптали бывших, истинных, ибо все христианские нормы растоптали по своему разумению, не церемонясь»*. И действительно, эпоха, в которую мы с вами живем, – это, как говорил старец Паисий Афонский, *эпоха равнодушия*. Сегодня священник может свободно ходить по улицам города в подряснике, в рясе с крестом и его не будут оплевывать и расстреливать. Но значит ли это, что изменилось отношение людей к вере, что изменился сам образ мыслей, и общество стало подлинно воцерковленным? Скорее всего, нет. То, что верующих людей активно не притесняют, не уничтожают, не сажают в тюрьмы, является лишь формой проявления массового равнодушия. Что будет дальше – известно одному Богу.

Именно в эту эпоху тотального равнодушия многие современные христиане пришли к вере. В какой ситуации оказывается душа христианина? Человек пришел в Церковь после периода государственного атеизма, не получив в детстве христианского православного воспитания, оторванный от традиций. Он обращается к вере, еще не зная, как жить по вере. Старец Паисий во II томе «Духовное пробуждение» книги «Слова» говорит: *«Христианин приходит в Церковь, в то же время не потеряв связь с миром»*. Христианин живет в миру, среди той же обстановки «игралищ страстей», среди стихий этого мира. Он вынужден работать, совершая свое земное поприще среди людей нецерковных, не разделяющих его взгляды, среди людей, которые не могут понять его радость о приобретении.

Все то, о чем святой апостол Павел в одном из посланий говорит: «срамно есть и глаголати», сейчас на виду. Разврат, жестокость, культ наживы, все то, о чем стыдно и страшно говорить, беспрепятственно распространяется. В частности, если говорить о России, в 90-е годы прошлого века и по сей день вместе с возрождением веры Христовой беспрепятственно, без всяких ограничений распространяется оккультизм и магия. У многих людей появилось языческое мировосприятие. И даже обращаясь в храмы Божии, они ищут не спасения души, более того, они даже не задаются таким глубоким мировоззренческим вопросом: «Нужно ли мне спасение?» Люди, имеющие такой языческий менталитет, обращаясь к Церкви, хотят получить какие-то блага (например, исцеление или избавление от вредных привычек). А для чего? Чтобы жить комфортнее, спокойнее, но не изменяя самих

себя. И, как говорит старец ПаисийАфонский в третьем томе своих бесед, *«современные христиане хотят освятиться без борьбы с грехом»*.

Отец Иоанн (Крестьянкин) неоднократно говорил своим духовным чадам, утешая и укрепляя их в несении жизненного креста, такие слова: *«С промыслом Божиим не поспоришь. Раз Господь судил нам жить в это время, значит именно в это время, в эту эпоху надо жить и стараться во что бы то ни стало хранить верность Богу»*.

И вот вопрос к размышлению: соответствуем ли мы, христиане, высокому званию христианина? Как мы отвечаем на вызовы эпохи? Рассмотрим несколько ситуаций.

[Эта история была поведана в простой беседе, а не на исповеди]. Великий пост. Пожилая женщина готовит своим новорожденным внучатам пищу на молоке и пробует ее, чтобы узнать, соленая она или нет. Потом с радостью ожидает, съест ее младенец или не съест? Младенец все не съедает, к ее великой радости, и она с мурлыканьем, улыбаясь от счастья, доедает эту молочную детскую пищу. Когда священник спрашивает ее: «А зачем Вы это делаете?», – она отвечает: «По немощи, батюшка». Действительно ли то, что мыпорой без всякой необходимости нарушаем пост, является немощью? Сейчас речь не идет о многочисленных случаях, когда христианин попадает в гости (они уже стали хрестоматийными). По сюжету обязательно это происходит во время многодневных постов или постных дней. Непременно на столе, несмотря на кризис, будет все что угодно. И неизбежно христианина будут принуждать нарушить пост. И христианин (тут находится много причин: по немощи, чтобы не обидеть ближних, чтобы на него не смотрели как на белую ворону, чтобы не оказаться в неловкой ситуации) нарушает пост. А когда его спрашивает пастырь: «Зачем Вы это делаете? Какая в этом необходимость?», – он говорит: «По немощи, батюшка, по немощи». Немощью это можно назвать в том случае, если тебя взяли в плен враги, связали и насильно заставляют вкушать какие-то молочные или мясные продукты. А в обыденности, когда нам предоставляется возможность выбора, мы часто свое нерадение, свое человекоугодие, отсутствие живой веры прикрываем немощью. И это ни что иное как лукавство.

Другой пример. Я думаю, все хотя бы раз в жизни сталкивались с подобной ситуацией. Когда надо совершать молитвенное правило (вечернее, чаще всего), а по телевизору идет любимая передача. Что хочется сделать «по немощи»? Сначала, конечно, посмотреть передачу. Сами себя при этом утешаем словами: «Правило-то всегда со мной, молитвослов всегда рядом, я после любимой, долгожданной телепрограммы или трансляции футбола обязательно прочитаю молитвенное правило». А потом прочитаем молитвенное правило? Скорее всего, нет. Во-первых, состояние души после развлекательных телепрограмм совершенно не будет соответствовать молитвенному духу; во-вторых, навалится реальная, понятная даже с медицинской точки зрения, усталость после долгого смотрения в голубой мерцающий экран. И потом, в лучшем случае, мы прочитаем сокращенное молитвенное правило преподобного Серафима, а чаще всего, «по немощи», от изнеможения человеческого естества просто ложимся спать. Но совесть все-таки есть, а совесть – это голос Божий, от нее никак не откупишься. На муки совести мы себе отвечаем: «Вот уж завтра я точно и утреннее

правило неукоснительно прочитаю, и вечернее». А на следующий день разве «немошь» нас оставит? Настанет черед других интересных программ, других «немошей», которые не дадут нам исполнить молитвенное правило во всей полноте, со вниманием, с благоговением, вдумываясь в слова произносимых молитв. К чему же приведет сокращение и оставление молитвенного правила? На следующий день исполнять молитвенное правило будет еще тяжелее. Как говорил преподобный Макарий Великий: *«Дух мира сего, если мы потворствуем ему, начинает ратоборствовать против нас еще сильнее»*. Уступив однажды греху, в следующий раз тяжелее с этим же грехом бороться.

Другой очень характерный пример касается богослужений. Так же как апостольские правила регламентируют пост: *«Если кто епископ, или пресвитер, или диакон, или иподиакон, или чтец, или певец, не постится во святую четырьдесятицу перед Пасхой, или в среду, и в пятницу, кроме препятствия от немощи телесной: да будет извержен. Если же мирянин: да будет отлучен»* (69 правило), Правила Шестого Вселенского Собора регламентируют богослужебную жизнь: *«Если кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из сопричисленных к клиру, или мирянин, не имея никакой настоящей нужды, или препятствия, которым бы надолго устранен был от своей церкви, но пребывая во граде, в три воскресные дни в продолжении трех седмиц, не придет в церковное собрание: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет отлучен от общения»* (80 правило). Отлучается человек не каким-то актом архиерея или священника, а невидимо Благодать Божия отступает от того, кто так пренебрегает спасением своей души.

Даже не на исповеди, а в повседневной беседе жалуются священнику: «Не смогла прийти на службу. Было много дел, потом была интересная программа по ТВ, я поздно легла, а в воскресенье утром «немошь» одолела сильнейшая, невозможно глаза открыть». Невозможно голову оторвать от подушки, руки и ноги не слушаются. И если будильник прозвенел, то его выключают и переворачиваются на другой бок. Что в этой ситуации христианин отвечает на муки совести? «Сейчас я по "немощи" не встану, воскресный день (или праздник) пропущу, но в следующее воскресенье я железно встану и как штык буду в храме Божиим!» И на следующее воскресенье проявляется закономерность: если сделаешь себе поблажку один раз, будешь раблепствовать своим страстям, то в следующий раз намного тяжелее будет бороться с собой.

Следующее, о чем стоит сказать (но как можно деликатнее), – о внешнем виде христианина или христианки. Всегда ли можно в городе, увидев светского человека, сразу признать в нем христианина или христианку? По одежде можно, но разве что в Сергиевом Посаде, в Дивеево, в других духовных центрах, где на душу населения православных людей приходится действительно много. А в Москве и больших крупных городах? Едва ли. Что же должно сразу броситься в глаза, чтобы мы поняли, что человек религиозный? Он может носить и современную одежду, но соответствующую своему полу. Несколько лет назад вышла книга Владимира Легойды «Мешают ли джинсы спасению». В ней было интересно объяснено, что джинсы спасению не мешают, но и не помогают. Поэтому, вопреки обычаям мира сего, женщине не подобает носить одежду, предназначенную мужчинам. Я даю себе

отчет, что мои слова могут быть восприняты не совсем милостиво, как голос несовременного батюшки.

Приведу случай из жизни. Встречает один священник прихожанку своего храма, которая бывает почти на каждом богослужении. Прихожанка очень почтенного возраста и, казалось бы, ей не должно быть свойственно юношеское желание привлекать к себе чужие взоры. Она вышагивает в брючном костюме. Естественно, при виде священника она пребывает в некотором смущении. Батюшка ей говорит: «Что-то я Вас с трудом узнаю. Вы ли это или не Вы? У Вас такой замечательный брючный костюмчик». На что она оправдывается: «Батюшка, это я по "немощи"». Немошь ли это? Тут, справедливости ради, надо отметить, что, как говорит народная пословица, «рыба гниет с головы». Порой сами пастыри (об этом надо говорить еще более осторожно) стесняются ходить в светской обстановке в одежде, подобающей своему сану, своему высокому и ответственному положению. Иногда хорошего, доброго, искреннего, образованного и прекрасной души пастыря можно встретить в городе и едва ли признать в нем священника. Можно подумать: «Приятный мужчина, в рубашечке, джинсах, гладко постриженный, с короткой бородкой. Композитор или художник, наверное». Да, можно возразить, и подобные возражения не раз приходилось слышать, что все это внешнее, на что не стоит обращать внимания, главное – в душе быть подлинным христианином. Однако же духовные законы не нами установлены, и не нам их менять.

Как же проявляется действие этих законов? Когда пастырь начинает ходить в светской одежде, то постепенно от внешнего состояния начинает меняться его внутренний мир. И это заметно по тем советам и оценкам событий или явлений, которые он дает. У верующих людей, пообщавшихся с ним один раз, второй, третий, порой пропадет желание в следующий раз ему обращаться. Внешние изменения имеют самое прямое отношение к изменениям внутреннего мира. Меняется внутренний мир, меняются взгляды, меняются оценки, меняется дух.

Когда началась тенденция секуляризации, и священники массово стали снимать с себя подрясники и ходить в светской одежде, многие, чтобы успокоить свою совесть, приезжали к старцу Паисию на Афон брать благословение. Как поступил старец Паисий? Он поступил очень мудро. Недалеко от его келии росло два молоденьких масличных дерева. С одного из них старец ободрал всю кору, а второе стояло так, как было создано Богом. Естественно, у того деревца, с которого была содрана кора, при восходе солнца листочки увяли. Он показывал на это дерево вопрошающим и спрашивал: «Как думаете, много мы с этого дерева маслин соберем?» Хотя, казалось бы, что такое кора? Это всего лишь тоненькая кожа вокруг дерева. Ствол есть, корни есть, листья есть – все есть. Маслина, приноси плоды! Поэтому мудрые люди говорят, что для христианина и христианки должен быть следующий ориентир (как некий духовный индикатор): внешний вид должен быть таков, чтобы в любое время суток, оказавшись возле православного храма, ты мог спокойно, без терзаний совести войти в храм. Вопреки тому, что сейчас в мире господствует гуманизм и мирской дух, дух потребления, желание взять от этой жизни все, желание «казаться, нежели быть», христианин всегда должен придерживаться этого правила в отношении своего внешнего вида.

А в отношении молитвенного правила, поста и посещения богослужений надо понимать, что есть действительно немощь, а есть то, что мы немощью называем. При действительно телесной немощи, тяжелой болезни, человеку по медицинским показаниям предписывается в определенное время принимать какие-то лекарства и определенного рода пищу (и она воспринимается как лекарство). Даже злоупотребление этой пищей уже является излишеством. И как очень мудро говорил святитель Василий Великий: *«Пост – для умерщвления страстей, а не умерщвления естества»*. То есть, в рамках многодневного поста при предписании определенного рода пищи нужно помнить, что, во-первых, уже излишество в ней является нарушением поста, а во-вторых, вспомним тот случай, когда женщина начинает поглощать детское питание, не имея в том никакой необходимости, проявляя тем самым свое небрежение и неверность Богу.

Не меньшая опасность заключается в преклонении (сродни религиозному) перед тем, что мы называем «немощью», но что таковым не является, а является лишь нашим нерадением. Надо найти смелость и мужество сказать самому себе правду. Свое нерадение, отсутствие жертвенности, отсутствие подлинной любви к Богу мы прикрываем «немощью». Лучший советник в такой ситуации – это голос совести. Например, мы оказались в окружении людей, нарушающих пост. Совесть обязательно подскажет, что мы, не говоря: «Я пощусь, а вы все здесь грешники! Как вы смеете рядом со мной стоять и дышать одним воздухом?», не обличая других и не выставляя себя по-фарисейски, можем все-таки пост соблюсти. Равно как совесть подскажет: «Вот в этой ситуации ты мог бы и промолчать, чтобы сохранить мир. А в ситуации, когда порочат честь ближнего, оскверняют или хулят святыни или возносят хулу на Господа и на Пречистую Матерь, ты обязан был что-то сказать». Сама мука совести – лучший индикатор. Надо чаще к ней прислушиваться.

Что касается молитвенного правила перед причащением Святых Христовых Тайн. Сегодня существует много аудиодисков с записями трех канонов Спасителю, Божией Матери и Ангелу Хранителю и последование ко Святому Причащению. Это сделано для того, чтобы люди со слабым зрением, которые по объективным причинам уже не могут вычитать молитвенное правило, могли включить запись и послушать правило. Но как сейчас нередко происходит? Ложится человек на кровать или садится удобно на диван, включает магнитофон и прокручивает молитвенное правило. Это хорошая подготовка ко Причащению? Человек ответит: «Это я по "немощи", очень устал после работы». Но христианин может себя испытать: подготовиться ко Причащению, лежа, прослушивая аудиозапись, а в другой раз подготовиться, понуждая себя прочитать все три канона. И когда он будет стоять на Божественной литургии, то почувствует разницу в своей душе. Как говорит Давид-псалмопевец, *«Господи, виждь смирение мое, и труд мой»* (Пс. 24:18). Смирение – то есть осознание того, что, как бы мы ни готовились, но все равно не достойны Пречистого Тела и Крови Христовой. Но все-таки мы приложили какой-то труд.

В книге о Тихона (Шевкунова) рассказывается, что отец Иоанн (Крестьянкин), которого мы знаем как великого исповедника веры, богомудрого, рассудительного старца, только один раз в жизни не прочитал молитвенного правила. Во время 10-летнего служения в Рязанской епархии о. Иоанна постоянно перебрасывали с одного прихода на другой.

Однажды злоумышленники, далекие от веры люди, без совести и стыда ворвались ночью в храм, пытаясь что-то украсть. Отца Иоанна связали, и он всю ночь накануне Божественной литургии провел в связанном состоянии, пока утром не пришли прихожане и не освободили его. И после этого он пошел совершать Божественную литургию. При таком самоотвержении этот человек жил в ту же эпоху, что и все мы, дышал таким же воздухом, имел советский паспорт. Но он проявлял верность Богу в главном. А когда делаешь акцент на главном, то в уме и в сердце проявляется четкая субординация, тогда понимаешь, что главное, а что действительно второстепенное и не имеет значения для спасения души.

Для того, чтобы нам не напрасно носить имя христиан, важно не поклоняться идолу немощи. Я не боюсь резко говорить, что сегодня «немощь» стала религиозным идиолом для современных христиан. Именно идиолом. Этому идолу приносится в жертву самое дорогое – наша бессмертная душа. Мы приносим в жертву этому идолу драгоценное время, данное нам для спасения. Надо четко понимать: есть физическая немощь – тяжелое физическое состояние, когда человек, многого, что хотел, исполнить не может. А есть то, что на языке святых отцов называется «нерадением». Отсутствие живой веры и верности Богу, отсутствие любви к Богу, отсутствие любви к ближним, когда сердце наше окаменелое, мы называем «немощью», не пытаюсь себя даже понудить сделать хоть что-то ради Христа. Святой апостол Павел в одном из посланий говорит, обращаясь к христианам: *«Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха»* (Евр. 12:4). То есть мы, исполняя заповеди Божии, еще не несем тех лишений и скорбей, которые несли люди предыдущих эпох. Поэтому прикрываться собственной немощью есть лукавство, нерадение, нежелание жить по-христиански. Просто не всегда мы находим смелость называть вещи своими именами.

А что же тогда такое подлинная духовная радость, и чем она отличается от радости мирской? Каково свойство радости духовной, и за что она дается? В чем разница Божественной радости, которая дается от благодати Божией, от радости мирской? Несколько замечательных советов старца Паисия Афонского можно найти во втором томе «Духовное пробуждение» его книги «Слова»: *«Да, есть мирская радость и есть божественная радость. Когда что-то недуховно, нечисто, то в сердце не может быть истинной радости и мира. Радость, которую испытывает духовный человек, – это не та радость, за которой многие сегодня гонятся. Не надо путать разные вещи. Имели ли святые радость в том ее виде, что ищем мы? Матерь Божия имела такую радость? Христос – смеялся ли Он? Кто из святых прожил эту жизнь без боли? У какого святого была такая радость, к которой стремятся многие христиане нашего времени, не хотящие и слышать ничего неприятного, чтобы не расстроиться, не потерять своей безмятежности? Если я избегаю волнений, ради того чтобы быть радостным, ради того чтобы не нарушать своего покоя, ради того чтобы быть мягким, то я равнодушен! Духовная кротость – это одно, а мягкость от равнодушия – это другое».*

Сейчас любят говорить: «Еретику не говори, что он еретик, сектанту не говори, что он сектант, извращенцу не говори, что он извращенец, и вообще, человеку, ведущему греховный образ жизни, ни в коем случае нельзя говорить, что он живет неправильно». Выходит, что надо всем только улыбаться и говорить: «Верной дорогой идете, товарищи!», чтобы

сохранить ложный душевный мир. А вот старец Паисий как раз и объясняет, что истинной радости и мира у таких людей никогда не будет: *«Некоторые говорят: "Я христианин и поэтому должен быть радостным и спокойным". Но это не христиане. Это равнодушные, это радость мирская. Тот, в ком присутствуют эти мирские начала, – не духовный человек. Духовный человек – весь сплошная боль, то есть ему больно за то, что происходит, ему больно за людей. Но за эту боль ему воздается божественным утешением. Он чувствует боль, но чувствует в себе и божественное утешение, потому что Бог из Рая бросает в его душу благословения, и человек радуется от божественной любви. Вот что такое радость, духовная радость – невыразимая и заливающая сердце».*

В одной из бесед с сестрами монастыря в честь святого апостола Иоанна Богослова старец, для их пользы душевной, отнюдь не ради тщеславия, немножко приоткрыл некоторые детали своей жизни и того, как он относился к людям: *«Мир уже потерял контроль над собой. От людей удалилось любочестие, жертвенность. Я как-то рассказывал вам о том, в каком состоянии я находился, когда в моей калитке, на Святой Горе, меня прихватила грыжа. [В последние годы он очень страдал от грыжи и от целого ряда других болезней]. Когда кто-то стучал в клепальце возле калитки, я и в снег, и в холод выходил открывать. Если у человека были серьезные проблемы, то я даже и не чувствовал своей боли, хотя буквально перед этим был придавлен к кровати. Я угощал пришедшего чем-нибудь: одной рукой угощал, а другой держал грыжу. Все время, пока мы беседовали, я, несмотря на сильную боль, ни к чему не прислонялся, чтобы пришедший не догадался, что мне больно. А когда посетитель уходил, я опять загибался от боли. Дело было не в том, что боль проходила, или в том, что я чудесным образом поправлялся, нет. Я видел, что другому больно, и забывал свою собственную боль. Чудо происходит, когда ты соучаствуешь в боли другого. Главное в том, чтобы ты ощутил человека братом, и тебе стало за него больно. Эта боль трогает Бога, и происходит чудо. Потому что нет ничего другого, столь умиляющего Бога, как благородное великодушие, то есть жертвенность. Но в нашу эпоху великодушие является редкостью, потому что пришли себялюбие, корысть. Редкостью является человек, который скажет: "Я уступлю свою очередь другому, а сам подожду". Как же немного таких благословенных душ, которые думают о других! Даже и в людях духовных есть этот противный дух, дух равнодушия. Добро является добром лишь в том случае, если делающий его жертвует чем-то своим: сном, покоем и тому подобным. Потому и сказал Христос: "...от лишения своего..." (Лк. 21:4). Когда я делаю добро, отдохнув, то оно недорого стоит. Однако если я устал и, к примеру, выхожу показать дорогу кому-то просящему об этом, то это стоит дорого. Когда я, предварительно выспавшись, провожу ночь без сна там, где нуждаются в моей помощи, то цена этому невелика. Если же при этом и беседа мне по душе, то я и вовсе могу сделать это для того, чтобы порадоваться общению и немножко развлечься. Тогда как, устав и идя на жертву, для того чтобы помочь другому, я испытываю райскую радость. Тогда я буквально захлебываюсь в Божием благословении».* Старец говорит человеческим языком, потому что духовные реалии таковы, что в человеческом языке невозможно найти должных аналогов того состояния, которое испытывает человек, когда стяжает Божественную Благодать.

Так ответим на вопрос: что важно для христианина, живущего в современную эпоху? **Жертвенность!** Как очень мудро говорил старец Паисий во многих своих наставлениях, «не брать себя в расчет». Много ли сейчас таких христиан, которые готовы «не брать себя в расчет»? Конечно, нет. Других не брать в расчет – это пожалуйста! Как в одном из писем отец Иоанн (Крестьянкин) говорит, что духовная свобода от страстей зарабатывается дорогой ценой, жертвенностью. А жертвенность и верность Богу – это состояния, противоположные идолу немощи, которому кланяются сегодня христиане, дай Бог, чтоб их было поменьше.

В заключение приведу еще одно наставление старца Паисия о том, как христианину бороться с идолом немощи, который, к сожалению, не спрашивая нашего желания, занимает место в наших сердцах. Старец Паисий советовал делать все, что зависит от нас; а в том, что от нас не зависит, Господь обязательно поможет. Старец Паисий наставлял: *«Надо сделать то, что можно сделать по-человечески, и оставить Богу то, что по-человечески сделать нельзя. А если ты сделаешь чуть-чуть больше того, что ты можешь, но не от эгоизма, а от любочестия, считая, что ты не исчерпал еще всех своих человеческих сил, то Бог увидит и это. Такое любочестие будет Ему благоугодно, и Он поспешит на помощь. Бог для того, чтобы нам помочь, хочет и нашего собственного старания».* [Это перекликается с известной народной пословицей: «На Бога надейся, а сам не плошай». «Не плошай» – сам не живи греховно, не лежи во грехе. Как очень мудро говорил святой праведный Иоанн Кронштадтский: *«Падать во грехи – свойственно нам, потому что мы грешные, но не лежать во грехе. Если ты упал, то обязательно вставай. Нельзя считать греховное состояние нормальным состоянием для себя. Упал – вставай обязательно. Трудись, хоть ползи, но только в сторону ко Христу».*] *«Вот как Ной: сто лет мучился, строя ковчег. Дерево пилили деревянными пилами: находили деревья жестче других и делали из них пилы. Что же, разве Бог не мог сделать что-нибудь и ускорить постройку ковчега? Мог – но, сказав Ною и тем, кто был с ним, как строить ковчег, Он потом давал им на это силы. Поэтому будем делать то, что мы можем, чтобы то, что мы не сможем сделать, Господь сделал за нас».*

Еще одно важное наставление старца Паисия: *«Человек должен действовать по-человечески до какого-то предела, а потом оставлять все на Бога. Стараться помочь в том, что не может быть сделано по-человечески. Часто вижу, что такое упрямство происходит по действию дьявола для того, чтобы вывести этого человека из строя. Я худо-бедно понимаю, до какого предела можно помогать по-человечески, а с какого момента надо возлагать все на Бога. Поэтому, видя, что по-человечески помочь положению нельзя, я воздеваю руки горе, возжигаю пару свечечек, возлагаю затруднение на Бога, и оно тут же разрешается. Бог знает, что я делаю это не от того, что мне лень действовать по-человечески, а от того, что уповаю на Бога».*

Читая все эти наставления и Иоанна (Крестьянкина), и старца Паисия, и всех святых отцов Церкви, мы можем видеть, что никто из них не достиг Царствия Божия, живя на земле прохладно. Если мы будем понуждать себя делать все по-человечески, тогда в том, что от нас не зависит, Господь обязательно поможет. Иными словами, если мы готовимся ко Причащению, лучше постараться самому прочесть молитвенное правило.

Порой мы стоим перед выбором между возможностью помолиться или желанием провести время якобы в душепопечительных, но на самом деле в пустых беседах. Когда, например, приходит в гости подруга и говорит: «У меня срочный вопрос, на пять секунд», а вам надо готовиться ко Причащению и почитать правила. В итоге, она уйдет через полтора часа, когда полностью измотает и вас, и себя. И у вас уже не хватает сил на молитву. Поэтому лучше предпочесть молитву, чем пустое, бессмысленное словопрение. Чаще вспоминайте слова Священного Писания: *«Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас»* (Мф. 7:6).

Если христиане будут слишком преклоняться перед своей немощью, то никакого духовного возрождения, не говоря уже о всенародном покаянии, ожидать не придется. Потому что внешние люди, живущие по совершенно иным законам, все равно смотрят на нас с пристрастием. И любая слабость, любое лукавство и неискренность со стороны христианина не останутся незамеченными. Будут говорить: «Он вроде такой строгий, ревностный, призывает к чему-то, а смотри, здесь слукавил; а здесь все воруют, и он своровал; здесь все смеются над пошлым анекдотом, и он смеется, а ему, как христианину, такое и слушать не надо бы; все пошли выпить, и он пошел». Видя нашу неверность Богу, тщетно надеяться, что внешние люди сами пожелают быть христианами.

Я вам желаю бороться с идолом немощи, разрушить этот идол в своих сердцах, чтобы быть нам подлинными христианами не только на словах, но и по жизни!

22 июля 2012 г.

Духовно-просветительский центр Свято-Троицкой Сергиевой Лавры